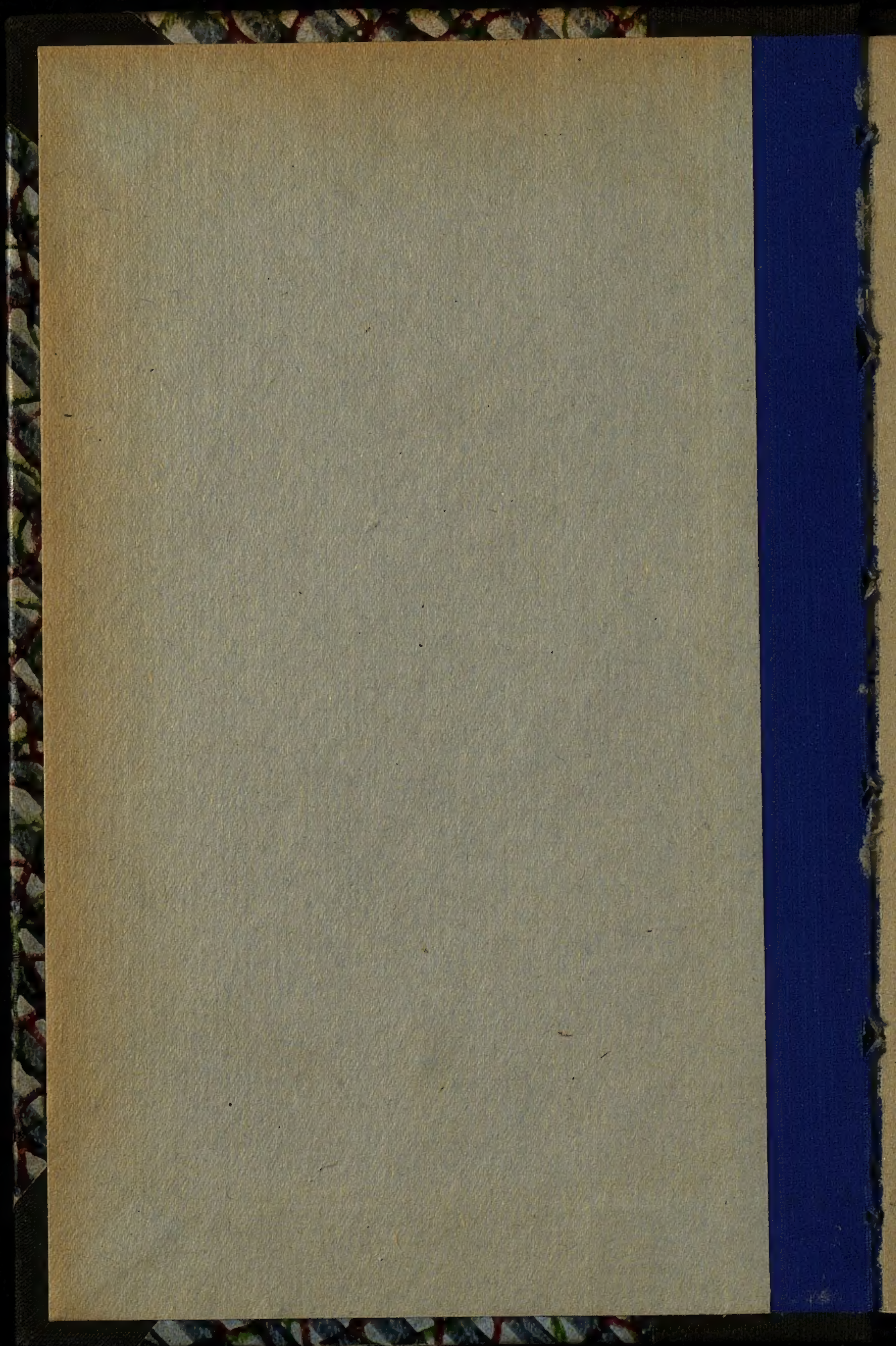
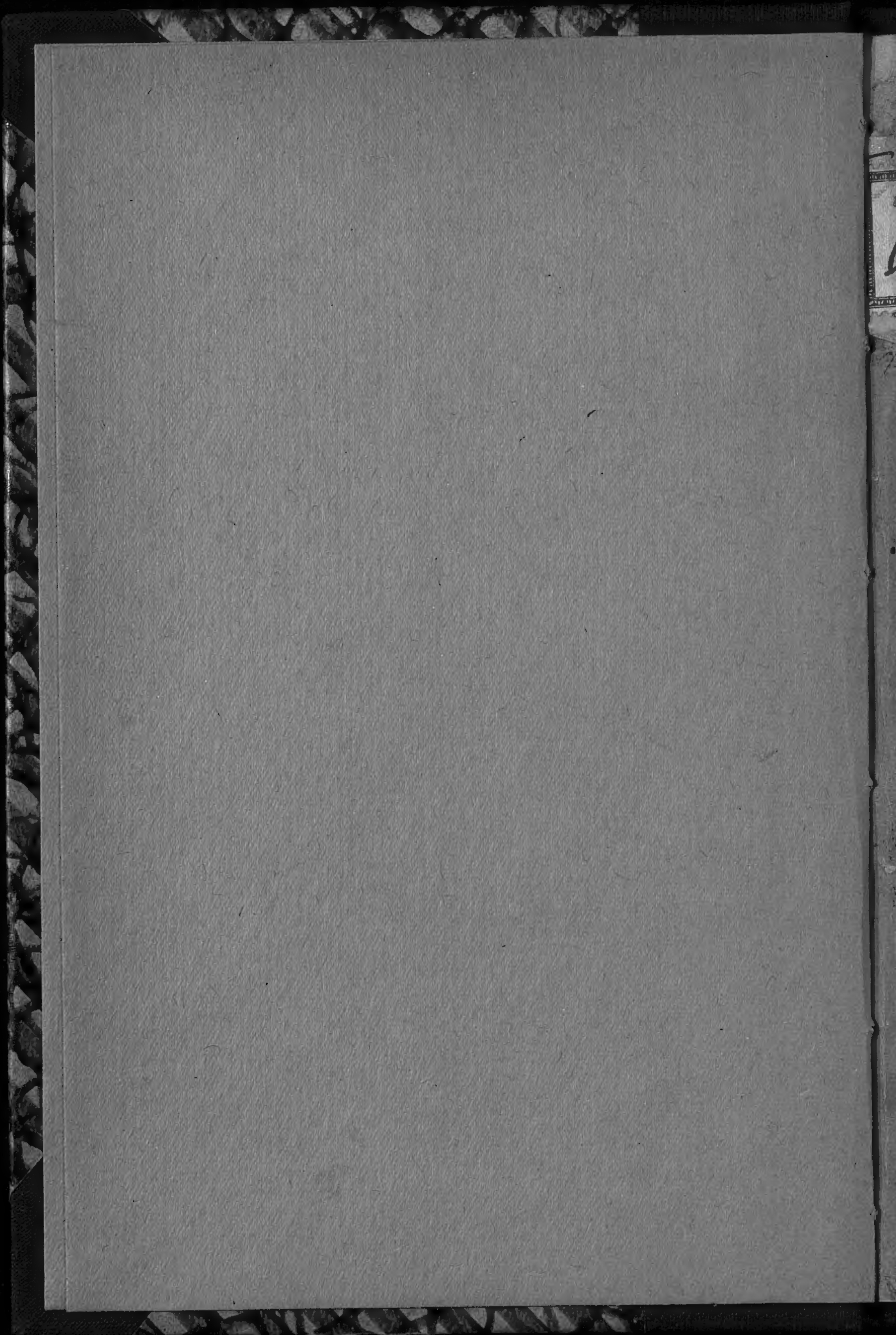

n Allgemeiner Landtag für Russland.

ОБЩАЯ ЗЕМСКАЯ ДУМА
ВЪ РОССІИ.

Дополненіе къ книжкѣ:

„НАШЕ ПОЛОЖЕНІЕ".

А. КОШЕЛЕВА.

BERLIN.
B. BEHR'S BUCHHANDLUNG (E. BOCK),
27. UNTER DEN LINDEN. 27.
1875.

Von A. Koscheleff.

ОБЩАЯ ЗЕМСКАЯ ДУМА
ВЪ РОССІИ.

Дополненіе къ книжкѣ:

„НАШЕ ПОЛОЖЕНІЕ“.

А. КОШЕЛЕВА.

BERLIN.
B. BEHR'S BUCHHANDLUNG (E. BOCK),
27. UNTER DEN LINDEN. 27.
1875.

пре
ру
язі

I.

О самодержавіи.

Какій предлогъ самодержавнаго правленія? Не тотъ, чтобъ у людей отнять естественную ихъ вольность: но чтобы дѣйствія ихъ направити къ полученію самаго большаго ото всѣхъ добра.

И такъ правленіе съ сему концу достигающее лучше прочихъ, и при томъ естественную вольность меньше другихъ ограничивающее, есть то, которое наилучше сходствуетъ съ намѣреніями, въ разумныхъ тваряхъ предполагаемыми, и соотвѣтствуетъ концу, на который въ учрежденіи гражданскихъ обществъ взираютъ неотступно.

Самодержавныхъ правленій намѣреніе и конецъ есть слава гражданъ, государства и Государя.

Но отъ сея славы происходитъ въ народѣ, единоначаліемъ управляемомъ, разумъ вольности, который въ державахъ сихъ можетъ произвести столько же великихъ дѣлъ и столько споспѣшествовати благополучію подданныхъ, какъ и самая вольность.

(Наказъ Имп. Екатерины II, 1767 г. ст. 13, 14, 15 и 16.)

Самодержавіе, по мнѣнію многихъ, однозначуще съ деспотизмомъ. Это несправедливо. Деспотизмъ можетъ быть и при самодержавіи и при конституціонномъ правленіи и въ республикѣ. Деспотизмъ въ управленіи есть злоупотребленіе верховной власти, въ видахъ личныхъ или частныхъ, или ради исполненія разныхъ затѣй и причудъ. Такъ на востокѣ не сомнѣнно и постоянно господствуетъ деспотизмъ;

но онъ бываетъ и въ конституціонномъ государствѣ, когда болѣе или менѣе ограниченное число избирателей изъ многочисленнаго населенія, назначаетъ его представителей; когда послѣдніе имѣютъ въ виду нужды и пользы не всего народа, а только того меньшинства, которое ихъ избираетъ, или когда администрація, чрезъ подкупъ деньгами, мѣстами, разными обѣщаніями и другими соблазнительными средствами, обеспечиваетъ себѣ большинство въ палатахъ, и затѣмъ правитъ государствомъ по своему усмотрѣнію. Деспотизмъ, и даже жестокій, бываетъ и въ республикѣ, когда бразды правленія захватываются немногими честолюбцами, властолюбцами или сребролюбцами, или когда одна какая либо партія забираетъ власть въ свои руки, не съ цѣлью общаго блага, а для достиженія своихъ частныхъ цѣлей. Франція, въ послѣднія восемьдесятъ пять лѣтъ, представила намъ образцы всѣхъ возможныхъ деспотизмовъ, изъ которыхъ иные своевольничили, грабили и казнили даже во имя свободы, равенства и братства. Но, и при самодержавіи, можетъ не быть деспотизма, что́ Россія, по временамъ, испытывала, и особенно въ первое десятилѣтіе нынѣшняго царствованія.

Ошибочно думать, что какой либо образъ правленія можетъ неминуемо обеспечить гражданамъ свободу, безопасность, гласность, равенство передъ закономъ и другія блага вожделенныя и необходимыя для человѣка. И самыя либеральныя монархическія конституціи и даже республиканскія учрежденія не всегда доставляютъ людямъ то, чего они желаютъ, и не рѣдко приводятъ ихъ къ тяжкимъ деспотизмамъ. Конечно нѣкоторые образы

правленія представляютъ болѣе вѣроятій къ удовлетворительному достиженію государственной цѣли, т. е. къ обеспеченію гражданамъ свободы и благосостоянія; но главное, самое важное — не въ формѣ, а въ сущности правленія. А эта сущность не вносится, не вкладывается, не сочиняется, а должна исходить изъ самаго народа, его жизни, его характера, его убѣжденій, его мѣстныхъ и временныхъ обстоятельствъ, и развиваться согласно совокупнымъ ихъ требованіямъ.

Конечно совершеннѣйшею, идеальною формою правленія есть республика, т. е. самоуправленіе въ полномъ смыслѣ этого слова. Но вездѣ ли и во всякое ли время она возможна? Человѣчество вѣроятно къ ней идетъ; въ душѣ къ ней оно стремится; но путь до нея долгій, заставленный разными, едва преодолимыми препятствіями, и требующій на его совершеніе — столѣтія. — Противуположностью республикѣ есть самодержавная монархія. Прежде, въ томъ или другомъ видѣ, она существовала вездѣ; теперь же, изъ европейскихъ христіанскихъ государствъ, она сохранилась только въ Россіи. Безусловно осуждать самодержавіе — нельзя. Оно, правда, возбуждаетъ въ людяхъ скорѣе страхъ и поклоненіе, чѣмъ любовь и довѣріе, и внушаетъ скорѣе покорность чѣмъ преданность; но, при нѣкоторыхъ бытовыхъ условіяхъ, оно необходимо и много соотвѣтственнѣе того, чѣмъ ищутъ его замѣнить. Въ новѣйшія времена, возникъ въ Европѣ конституціонализмъ, т. е. попытка согласованія единодержавія съ народовластіемъ. Удачнѣйшій опытъ, въ этомъ смыслѣ, сдѣланъ въ Англіи: тамъ — мѣсто его рожденія; тамъ возникъ онъ самъ

собою, постепенно, изъ народныхъ нуждъ и согласно свойствамъ народнаго духа; а потому тамъ развился онъ вполнѣ естественно и доставилъ людямъ блага свободы, обезпеченности, самобытности и устойчивости. Не таковымъ оказался онъ, пересаженный на европейскій материкъ: за исключеніемъ двухъ маленькихъ государствъ Голландіи и Бельгіи, гдѣ особенныя обстоятельства помогли его водворенію, во всѣхъ прочихъ странахъ, конституціонализмъ далеко не доставилъ того, чего отъ него ожидали. Сочинены тутъ самыя либеральныя конституціи; устроены по двѣ палаты; избирательныя права даны всѣмъ гражданамъ; гласность предоставлена и совѣщаніямъ и суду и печати; министры объявлены отвѣтственными передъ палатами. Казалось все сдѣлано для достиженія желаемой цѣли; а между тѣмъ, настоящей свободы и гражданской обезпеченности на всемъ материкѣ — мало; а общаго благосостоянія — еще меньше.

И все это отъ чего? Отъ того, что ввести, учредить, создать какое либо прочное, сильное, духу и потребностямъ народа соотвѣтствующее управленіе — трудно, почти невозможно. Оно должно исходить изъ прошлой и настоящей жизни народа, корениться въ ней, ею питаться и удовлетворять ея нуждамъ — оно должно, такъ сказать, само собою народиться.

Не тотъ образъ правленія долженъ быть признанъ за лучшій, который носитъ то или другое названіе, а тотъ, который всего сроднѣе народу и всего болѣе даетъ ему возможности къ проявленію его мнѣній, желаній и воли. Сочинять образъ правленія — безразсудно: лучшій по компановкѣ, легко

можетъ оказаться худшимъ на дѣлѣ. Примѣръ Франціи, въ этомъ отношеніи, до высшей степени поучителенъ.

Для опредѣленія, какой образъ правленія и съ какими учрежденіями, долженъ быть, для извѣстной страны и въ данное время, признанъ лучшимъ, необходимо обратиться къ ея исторіи и къ изученію дѣйствительнаго ея положенія.

Если, въ этомъ отношеніи, мы нынѣ желаемъ получить удовлетворительный отвѣтъ касательно отечества нашего, то мы должны предложить себѣ слѣдующіе два вопроса:

Чтó являетъ намъ русская исторія?

Чтó показываетъ нынѣшнее наше положеніе?

Въ древней русской исторіи, мы видимъ, что народъ былъ не безгласенъ, имѣлъ вѣчи и призывалъ, по приговорамъ, къ себѣ князей; но вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ испытывалъ разныя угнетенія и много страдалъ отъ княжескихъ междоусобій. А князья, въ эти времена, хотя и не были собственно самодержавны, хотя часто обращались къ народу за помощью и не рѣдко должны были исполнять его приговоры; однако они позволяли себѣ разныя своевольныя дѣйствія. Отличительною чертою этой эпохи было: совмѣстное проявленіе разныхъ народныхъ вольностей и княжескихъ самоуправствъ. Это вполнѣ естественно и понятно: ни народъ ни власть не были достаточно развиты, чтобы первому пользоваться надлежащею свободою, а послѣдней овладѣть всѣми мѣстными средствами. Впослѣдствіи, при владычествѣ у насъ Татаръ, а равно при стремленіи великихъ князей, и въ особенности московскихъ, къ водворенію единодержавія въ землѣ

русской, власть княжеская все болѣе и болѣе усиливалась. А народъ, страдая отъ татарскаго ига и княжескихъ междоусобій, попускалъ расширеніе верховной власти, лишь бы освободиться отъ чужеземнаго владычества, спасти землю и церковь отъ погибели, и прекратить брани и убійства между своими. При царяхъ, бывали земскія сборы; народъ могъ высказывать свои нужды и желанія; но самодержавіе росло, крѣпло и расширялось. Главными тому причинами были: нѣкоторые удержавшіеся татарскіе порядки, водворившееся единодержавіе и расширеніе границъ земли русской. Установившееся при этомъ прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ тяжело отозвалось на народномъ бытѣ вообще. Царствованіе Петра I было временемъ страшнѣйшаго деспотизма; крѣпостная зависимость была окончательно утверждена и распространена, до извѣстной степени, на всѣ состоянія. Власть Петра особенно усилило то обстоятельство, что онъ явился на Руси въ такое время, когда старые порядки отживали, и когда уже чувствовалась потребность въ обновленіи руководящихъ бытовыхъ началъ. Петръ, съ нѣсколькими своими сподручниками, посѣтивъ Европу, былъ очарованъ успѣхами и дѣйствіями тамошняго просвѣщенія, рѣшился пріобщить свою страну къ благамъ, имъ доставляемымъ, призвалъ оттуда много дѣльныхъ и искусныхъ людей, и тѣмъ соотвѣтствовалъ этой, смутно ощущавшейся тогда потребности обновленія; это въ особенности дало ему возможность безпощадно ломать старое, вводить новое и мало обращать вниманія на дѣйствительныя нужды и желанія народа. Но долго такое положеніе продолжаться не могло.

Изъ преемниковъ его, Екатерина II премудро поняла источникъ силы и славы самодержавія, обратила особенное вниманіе на народное благосостояніе, и принимала разныя мѣры къ его поднятію и упроченію(*). Въ послѣднее столѣтіе, особенно увеличивало, расширяло и укрѣпляло самодержавную власть то, что она, по развитію, почти постоянно шла впереди не только народной массы, но и такъ называемаго общества или дворянства. Опереживали эту власть только отдѣльныя личности, отличавшіяся своими способностями и знаніями, и чувствовавшія въ себѣ призваніе быть будильщиками русской мысли и жизни. Это свойство нашей верховной власти — идти во главѣ поступательнаго движенія страны, всего болѣе содѣйствовало къ усиленію самодержавія; что́ особенно глубоко было сознано Екатериною Великою и что́ утвердило ея славу и могущество въ Европѣ и внутри Государства. Признавая пользу и необходимость мѣстнаго самоуправленія вообще и въ особенности для обширной и разнообразной русской имперіи, великая эта государыня даровала его городамъ, губерніямъ и уѣздамъ; и считая дворянство передовымъ у насъ

(*) Нельзя безъ особеннаго сочувстія и удивленія читать слѣдующую статью Наказа великой Государыни: „Все сіе не можетъ понравиться ласкателямъ, которые по вся дни всѣмъ земнымъ обладателямъ говорятъ, что народы ихъ для нихъ сотворены. Однакожъ Мы думаемъ и за славу себѣ вмѣняемъ сказать, что Мы сотворены для Нашего народа и по сей причинѣ Мы обязаны говорить о вещахъ такъ, какъ онѣ быть должны. Ибо, Боже сохрани! чтобы послѣ окончанія сего законодательства былъ какой народъ больше справедливъ, и слѣдовательно больше процвѣтающъ на землѣ; намѣреніе законовъ нашихъ было бы не исполнено: несчастіе до котораго Я дожить не желаю! (Наказъ Имп. Екатерины II ст. 520).

сословіемъ, она ожидала отъ него, въ этомъ дѣлѣ, существеннаго содѣйствія. Она также созывала сперва въ Москвѣ а потомъ въ Петербургѣ, депутатовъ отъ разныхъ сословій для составленія проэкта новаго Уложенія; а каковымъ, по ея предначертаніямъ, оно долженствовало быть, видно изъ даннаго ею этой коммиссіи Наказа. Съ цѣлью развитія самоуправленія, Императоры Александръ I-й и Николай I-й также расширили права дворянства по избранію членовъ полиціи и суда. Еще Екатерина II-я признавала необходимость уничтоженія крѣпостной зависимости крестьянъ и дворовыхъ людей; но она не считала этого преобразованія своевременнымъ; преемники же ея Александръ I-й и Николай I-й, раздѣляя тѣже убѣжденія, хотя и не рѣшались приступить къ коренной по этому предмету реформѣ, однако принимали разныя къ тому подготовительныя мѣры. Но дворянство мало содѣйствовало правительству по мѣстному самоуправленію и еще менѣе сочувствовало ему по прекращенію крѣпостнаго права на людей. Когда, въ нынѣшнее царствованіе, заявлено было, съ высоты престола, намѣреніе приступить къ ихъ освобожденію, то одни передовые люди съ сочувствіемъ отнеслись къ этому заявленію; а образованные, по выборамъ дворянства, губернскіе комитеты доказали какъ большинство его слабо раздѣляло благіе виды правительства. И земскія учрежденія и судебная реформа и другія либеральныя, истинно полезныя преобразованія, совершенныя въ нынѣшнее царствованіе, были приняты, но вовсе не вызваны нашимъ образованнымъ обществомъ: они прямо исходили изъ царской воли, и отнюдь не

были уступками общественному мнѣнію. Мы глубоко убѣждены, что освобожденіе крѣпостныхъ людей и прочія преобразованія совершились, притомъ съ такимъ успѣхомъ и быстротою, только по милости самодержавія (*), и что они, въ свою очередь, существенно содѣйствовали къ придачѣ ему бóльшей силы и крѣпости. Замѣчательно, что, на Руси, всего болѣе усиливали верховную власть реформы, произведенныя ею въ видахъ предоставленія народу большихъ правъ, и что въ эти времена самодержавіе было особенно могущественно. Впрочемъ, это вполнѣ понятно: источникомъ державной силы есть народъ; чѣмъ онъ живѣе и болѣе доволенъ, тѣмъ и источникъ богаче и производительнѣе. Внимательно всматриваясь въ нашу исторію, нельзя не быть пораженнымъ тѣмъ, что у насъ не было борьбы, какъ на западѣ, ни между верховною властью и народомъ, ни между его различными состояніями; что никакой его отдѣлъ не имѣлъ никогда преобладающаго значенія; и что народная сила проявлялась не иначе какъ исходящею изъ совокупности всѣхъ состояній. Такъ, въ 1612 и 1812 годахъ, совершены великія дѣла не тѣмъ или другимъ

(*) Еслибы нужно было доказывать, до какой степени дворянство, какъ сословіе, хотя и именующееся передовымъ, мало сочувствовало освобожденію крѣпостныхъ людей, то неопровержимыми тому доводами могли бы служить проэкты, составленные по этому предмету, въ 1858 и 1859 годахъ, губернскими дворянскими комитетами и, сверхъ того, проэктъ о всесословной волости, сочиненный не отдѣльнымъ какимъ либо лицомъ и не въ какомъ либо захолустьѣ, а коммиссіею, избранною цѣлымъ дворянствомъ Петербургской губерніи. И послѣднее совершилось не до освобожденія крестьянъ и не тотчасъ послѣ него, а черезъ 14 лѣтъ послѣ этого великаго преобразованія — въ 1875 году! Это конечно не вѣроятно, но, къ прискорбію, вѣрно.

состоянiемъ, а цѣльностью народа русскаго. Такъ и при великихъ реформахъ нынѣшняго царствованiя, содѣйствiе правительству оказано не городами, не сельскимъ населенiемъ, не дворянствомъ въ отдѣльности, а вообще всѣми слоями народа и нѣкоторыми личностями, но не какъ членами какого либо сословiя, а какъ гражданами вообще. Неоцѣненное достоинство русскаго человѣка, залогъ его великой будущности, заключается въ его способности единиться, дѣйствовать мiромъ забывая себя и имѣя въ виду, часто даже безсознательно, одно дѣло общее. Этимъ только и объясняется великое совершившееся дѣло — громадная, своеобразная имперiя, установившаяся на границахъ Европы и Азiи; въ совершенiи этого дѣла участвовали только два могучiе самостоятельные дѣятеля — верховная власть и народъ; а дружины, боярищина, сословiя, бунты, заговоры, тайныя общества и пр. проявлялись на русской почвѣ какъ бы только для того, чтобы показать свое безсилiе и несокрушимую мощь державной власти, опирающейся на народъ вообще.

Въ отвѣтъ на второй, нами поставленный вопросъ, мы должны сказать, что, и въ настоящемъ, видимъ мы тѣ же двѣ главныя дѣйствующiя силы: верховную власть и народъ. — Первая стоитъ теперь тверже, крѣпче и выше, чѣмъ когда либо стояла. Основанiя ея значительно расширились чрезъ вступленiе ея въ прямыя сношенiя съ нѣсколькими десятками миллiоновъ людей, бывшихъ прежде въ полной зависимости отъ помѣщиковъ, а нынѣ пользующихся гражданскими правами. Дѣйствiя верховной власти конечно еще не такъ свободны и не такъ произ-

водительны, какъ бы они могли быть; причинами тому, что она еще не имѣетъ всѣхъ средствъ знать настоящія потребности страны и пользоваться всѣми, ею представляемыми пособіями; и что между властью и народомъ стоитъ стѣною бюрократія. Но чрезъ введенныя земскія учрежденія, установленный гласный судъ, и прорывающіеся отъ времени до времени отзывы гласности, верховная власть уже кой-что узнаетъ о дѣйствительномъ положеніи страны и хотя сколько нибудь можетъ обуздывать своеволіе своихъ агентовъ. — Народъ, въ лицѣ всесословнаго земства, крѣпнетъ и все болѣе и болѣе вступаетъ въ права, ему предоставленныя (*). Нельзя при этомъ не замѣтить, что по мѣрѣ развитія земства, олицетворяющаго совокупность народа, сословія все болѣе и болѣе утрачи-

(*) Естественно, что крѣпостники и ихъ органы тѣшатся поголовнымъ осужденіемъ земскихъ учрежденій, съ радостью обобщаютъ единичные ихъ промахи и упущенія, и не хотятъ видѣть и оцѣнивать добрыя ихъ дѣйствія, совершенныя въ теченіи перваго десятилѣтія ихъ существованія. Но особенно тяжело видѣть и слушать людей, выдающихъ себя за друзей и цѣнителей земскихъ учрежденій, и превосходящихъ ихъ явныхъ враговъ въ осужденіи и оклевстаніи земства. Грустно читать въ такомъ благонамѣренномъ повременномъ изданіи, какъ „Голосъ", хотя и въ отдѣльномъ прибавленіи статью г. Леонарда: *Правда о земствѣ.* Онъ недоволенъ, быть можетъ и справедливо, своимъ бессарабскимъ земствомъ; на него и слѣдовало ему нападать; но обобщать свои порицанія и обвиненія — не позволительно, „Правда" превращается въ чистую ложь. Къ тому же, г. Леонардъ наваливаетъ на земство задачи, вовсе ему не свойственныя: надо помнить что ему поручено самоуправленіе въ хозяйственномъ отношеніи, а вовсе не хозяйничаніе въ собственномъ смыслѣ, которое остается за лицами и не должно переходить въ вѣденіе никакого, даже земскаго управленія. — Жаль, что „Голосъ", печатая эту статью, не отклонилъ отъ себя всякой отвѣтственности за высказанныя въ ней мнѣнія: многіе могли подумать, что редакція раздѣляетъ эти убѣжденія.

ваютъ у насъ свое значеніе и все менѣе и менѣе имѣютъ возможности отдѣльно служить правительству опорою при веденіи государственныхъ дѣлъ. Дворянство, даже въ тѣ времена, когда оно было на Руси единственнымъ, правами снабженнымъ сословіемъ, и когда, подъ вліяніемъ Монтескьё, правительство считало необходимымъ устроить въ государствѣ аристократію, не съумѣло или не могло воспользоваться благопріятными для него обстоятельствами, и сдѣлаться господствующимъ сословіемъ; теперь же, при все болѣе и болѣе утверждающейся, какъ въ Европѣ такъ и въ Россіи, всесословности или безсословности, дворянство конечно уже не можетъ разумно домогаться какой либо привилегированности. Впрочемъ, въ этомъ мы ни мало его не винимъ: всякія его, въ этомъ смыслѣ, попытки противурѣчили бы духу народному, остались бы безуспѣшными, и послужили бы только къ бо́льшему отчужденію его отъ русскаго народа вообще. — Крестьянство, возвращенное къ пользованію гражданскими правами, избирающее свои ближайшія начальства и своихъ ближайшихъ судей, участвующее въ земскомъ самоуправленіи и въ общемъ судѣ, и обучаемое грамотѣ — хотя ожило и начинаетъ чувствовать свою человѣчность и самобытность; однако оно еще не въ состояніи надлежащимъ образомъ справиться съ дарованными ему правами, а тѣмъ еще менѣе оказать дѣйствительное пособіе правительству по общему управленію. — Что касается до купечества, то, въ денежномъ отношеніи, оно имѣетъ несомнѣнное значеніе; но, по малому своему развитію и по ограниченности своихъ возрѣній, оно никакъ не можетъ

пріобрѣсти вѣскій голосъ въ дѣлахъ государственныхъ. Въ городахъ оно располагаетъ значительнымъ большинствомъ голосовъ; но и тутъ оно не можетъ справиться съ мѣстнымъ самоуправленіемъ. — О мѣщанствѣ и о духовенствѣ, уже переставшемъ быть сословіемъ — нечего и говорить какъ о политическихъ дѣятеляхъ. — Слѣдовательно, ни одно изъ существующихъ у насъ сословій не является исключительнымъ обладателемъ и представителемъ народной силы; они получаютъ её только въ совокупности, и только въ той мѣрѣ, въ какой они упраздняютъ себя въ отдѣльности и сливаются въ единый русскій народъ. А потому какъ мы прежде сказали, у насъ имѣются только двѣ дѣйствительныя государственныя силы: верховная власть и народъ въ полномъ смыслѣ этого слова т. е. какъ единство всѣхъ состояній, осуществляемое въ нашемъ безсословномъ земствѣ. Только на этихъ двухъ силахъ и на ихъ согласіи и единствѣ, можетъ основываться на Руси твердое и сильное правительство.

Очевидно, что, при существующихъ обстоятельствахъ, нельзя и думать объ устройствѣ у насъ того идеальнаго правленія, о которомъ мы выше упоминали; но не слѣдуетъ ли намъ попытаться, по примѣру западной Европы, на поприщѣ конституціонализма.

Конституціонализмъ есть такое государственное устройство, при которомъ верховная власть, по основнымъ законамъ, принадлежитъ государю обще съ палатами. Конституціонализмъ непремѣнно предполагаетъ въ государствѣ три силы: демократическую, аристократическую и монархическую. Первая

вообще малоимущая, малоправная хотя и весьма многочисленная, алчетъ перемѣнъ и пріобрѣтеній; а потому она побуждаетъ управленіе на разныя нововведенія. Вторая сила, вообще обладающая землею, разными богатствами и властью, и дорожащая удержаніемъ ихъ за собою, старается по возможности охранять все существующее и задерживать стремленіе къ преобразованіямъ. Наконецъ послѣдняя сила, т. е. монархическая имѣетъ обязанностью умѣрять, умиротворять, согласовать предъидущихъ двухъ дѣятелей, утверждать и приводить въ исполненіе законоположенія и принимать нужныя административныя мѣры. При этомъ, важнѣйшее условіе для успѣшнаго дѣйствія этихъ силъ, содержится въ надлежащемъ ихъ уравновѣшеніи и въ предоставленіи каждой изъ нихъ нужной и соразмѣрной доли власти. Слѣдовательно конституціонализмъ непремѣнно требуетъ разныя силы и нѣкоторое соревнованіе или борьбу между ними. Такъ въ Англіи, отечествѣ конституціонализма, верхняя и нижняя палаты являются представителями двухъ силъ: аристократической и демократической, т. е. по преимуществу крупнаго землевладѣнія и городовъ; и, въ завершеніе государственнаго устройства, имѣется власть короны, нѣкогда сильно боровшаяся а нынѣ только посредствующая между двумя, по существу своему, враждующими силами, и освящающая своимъ утвержденіемъ ихъ соглашенія. Вся дѣятельность парламента и королевской власти, носитъ на себѣ отпечатокъ этой борьбы и этихъ мировыхъ сдѣлокъ. Прежде въ Англіи всемогуща была власть королевская; потомъ взяла надъ нею верхъ аристократія; теперь демократія

все болѣе и болѣе завоевываетъ себѣ правъ, и аристократія держится только тѣмъ, что охранительныя начала тамъ вообще весьма сильны, и что она весьма разумно и благовременно дѣлаетъ уступки, непрестанно усиливающемуся и имѣющему еще болѣе усилиться демократизму. Въ остальной Европѣ, за исключеніемъ какъ мы выше сказали, Голландіи и Бельгіи, конституціонализмъ стоитъ на зыбкой почвѣ. Правда, идетъ тамъ борьба и даже ожесточенная между отжившею аристократіею, утрачивающимъ свое значеніе среднимъ сословіемъ, и возникающимъ четвертымъ сословіемъ, или вѣрнѣе выразиться, остальнымъ народомъ, которому хотя и предоставляются права, однако по большей части не обезпечивается ни пріюта, ни куска хлѣба; но такая борьба для конституціонализма вовсе непригодна. Для него требуется состязаніе двухъ, почти равныхъ силъ, и при томъ такихъ изъ которыхъ одна отстаивала бы то, что существуетъ, а не искала бы воскресить умершее; другая же разумно и законно двигала бы впередъ мѣстное и государственное управленіе. Но такихъ-то силъ тамъ нынѣ и не имѣется: одна, коснѣя въ стародавнихъ понятіяхъ и не признавая требованій обновленной жизни, тѣмъ сама себя хоронитъ; а другая, справедливо желая улучшенія своего быта, предъявляетъ требованія непомѣрныя, безразсудныя, поддерживаетъ ихъ даже насильями, грозитъ все вверхъ дномъ поставить, и тѣмъ почти уничтожаетъ свое значеніе. Такимъ образомъ эти обѣ силы сами себя упраздняютъ. Сверхъ того, для конституціонализма необходима монархическая власть, уважаемая и довольно прочная. Къ сожалѣнію, на всемъ запад-

номъ материкѣ, она утратила свою чарующую способность, почти всякую дѣйствительную силу, и если, по временамъ она оживаетъ, то вскорѣ опять слабѣетъ и даже изчезаетъ. Эта власть уже имѣетъ значеніе не сама по себѣ, а только по особеннымъ свойствамъ лицъ, ею облеченныхъ. Такая почва вовсе не благопріятна для конституціонализма и можетъ быть производительною только по статьѣ смутъ, безпорядковъ и революцій. Чѣмъ все это кончится — неизвѣстно; но положительно можно сказать, что конституціонализмъ, тѣсно сросшійся со всѣмъ бытомъ Англіи и великолѣпно тамъ дѣйствующій, не пуститъ глубокихъ корней на нашемъ материкѣ.

Въ Россіи конституціонализмъ безусловно невозможенъ. Для него тутъ нѣтъ никакихъ элементовъ: нѣтъ ни разнородныхъ силъ, ни слѣдовательно возможности какой либо борьбы и какого либо уравновѣшенія. Дворянство наше существуетъ только какъ „названіе"; средняго сословія просвѣщеннаго и самостоятельнаго — нѣтъ; крестьяне и мелкіе горожане, по неразвитости и разселенности, не составляютъ силы, могущей дѣйствовать отдѣльно. У насъ, какъ мы выше сказали, могуща верховная власть, опирающаяся на народъ; и могущъ народъ, ей довѣряющій и ей преданный. Слѣдовательно конституціонализмъ у насъ даже немыслимъ. Только нѣсколько молодыхъ людей, вполнѣ благонамѣренныхъ, но воспитанныхъ на французскихъ идеяхъ и плохо знавшихъ Россію, могли сочинять для нея конституцію, посылать её на просмотръ Бенжамена Констана и жертвовать собою для обезпеченія своему отечеству благъ конститу-

ціоннаго порядка. Только нѣсколько дворянъ, мечтавшихъ быть перами или лордами или, пожалуй, боярами, могли, послѣ освобожденія крестьянъ, думать о введеніи у насъ конституціоннаго образа правленія и говорить объ исходатайствованіи его у верховной власти. Нѣтъ! конституціи во 1-хъ, завоевываются а не даромъ получаются; онѣ должны исходить изъ народа а не падать съ неба; а во 2-хъ, онѣ требуютъ разнообразія дѣйствительныхъ а не мнимыхъ силъ. Ничего такого у насъ нѣтъ, и даже нѣтъ къ тому никакихъ задатковъ. Было вздумали русскіе сановники и вельможи возвести на императорскій престолъ Курляндскую герцогиню, съ условіемъ ограниченія самодержавной власти. Анна Іоанновна на все согласилась; но вступивъ на престолъ, она тотчасъ уничтожила подписанную ею грамоту и стала самодержавно править государствомъ. Если бы, съ чьей либо стороны, повторилась теперь подобная же попытка, то послѣдствіе было бы одинаковое: вѣнценосецъ, связанный какими либо внѣшними условіями, во всякое время, могъ бы уничтожить ихъ, къ великой радости народа и при громкихъ его рукоплесканіяхъ; особенно если бы онъ повторилъ слова императрицы Анны Іоанновны, что устраняетъ ограниченія особенно потому, что они препятствуютъ государю радѣть о пользахъ народа и въ особенности низшихъ его классовъ. Скажемъ болѣе: если бы самъ государь захотѣлъ теперь дать Россіи конституцію, въ родѣ тѣхъ, которыя существуютъ въ Европѣ, то что изъ этого бы вышло? Непремѣнно учредили бы верхнюю палату или сенатъ, котораго члены назначались бы верховною властью; эти сенаторы

или бояры набирались бы непремѣнно изъ людей, посѣдѣвшихъ на государственной службѣ, и слѣдовательно прошедшихъ всю школу угодливости, и изъ богачей дѣйствительныхъ или мнимыхъ, вѣкующихъ въ Петербургѣ, и потому эта палата была бы послушнымъ орудіемъ въ рукахъ правительства; въ нижнюю палату вѣроятно были бы избраны земскіе люди, дѣльные и устойчивые; непремѣнно возникли бы пререканія между этими палатами, вооруженными правомъ рѣшительнаго голоса; соглашенія между ними были бы крайне затруднительны или почти невозможны; ибо одна представляла бы администрацію, и притомъ если и не нынѣшнюю, то весьма на неё похожую; другая же, избранная народомъ, заботилась бы о дѣйствительныхъ его нуждахъ; теченіе дѣлъ чрезъ то крайне бы замедлилось или и вовсе остановилось; и верховная власть, признавъ насъ недостаточно развитыми и еще не могущими пользоваться правами, которыя она желала намъ даровать, вынуждена была бы распустить палаты и болѣе ихъ не собирать; — однимъ словомъ повторилось бы нѣчто въ родѣ того, что случилось съ знаменитою Екатерининскою Коммиссіею (*) .Такимъ образомъ, новая

(*) Эта коммиссія, по составу своему, была очень хороша: въ ней засѣдали выборные отъ всѣхъ свободныхъ состояній въ государствѣ; но ей задано было дѣло непосильное: начертаніе (а не разсмотрѣніе и не обсужденіе) проэкта новаго Уложенія. И сверхъ того, установленъ былъ странный порядокъ дѣлопроизводства: читали тамъ очень много; говорили довольно мало; но собственно преній не было никакихъ. Слѣдовательно, коммиссія не исполнила своей задачи, не по винѣ ея членовъ, а по обстоятельствамъ, вовсе отъ нея независившимъ. — Вѣдь такъ легко всякое собраніе обезсилить, нравственно уничтожить; стоитъ только

ложь легла бы на толстый слой старыхъ неправдъ, и послѣдня бѣда была бы горше прежнихъ.

Не осуществимъ у насъ конституціонализмъ въ западно-европейскомъ смыслѣ; но не возможенъ ли иной, въ русскомъ духѣ измѣненный, т. е. монархія, раздѣляющая верховную власть съ одною или двумя палатами, представляющими не двѣ силы, которыхъ у насъ нѣтъ, т. е. аристократической и демократической, а одну народную силу? Но такая монархія, вооруженная только правомъ veto, и имѣющая передъ собою народныхъ представителей, пользующихся рѣшительнымъ голосомъ, не была ли бы монархіею только по имени, а въ дѣйствительности республикою? Вся власть очевидно была бы въ рукахъ этой палаты или этихъ палатъ, хотя бы въ одной изъ нихъ часть членовъ назначалась даже верховною властью. При этомъ послѣднемъ устройствѣ, вышло бы одно изъ двухъ: или между палатами были бы непрестанныя и нескончаемыя столкновенія и пререканія, или палата непосредственныхъ народныхъ представителей взяла бы рѣшительный верхъ надъ другою палатою, которая превратилась бы въ камеру перовъ при Людвигѣ Филиппѣ, т. е. въ призрачное а не дѣйствительное учрежденіе. При утвержденіи за такой палатою или за такими палатами рѣшительнаго голоса, монархъ превратился бы въ наслѣдственнаго президента республики. Это положеніе, быть можетъ,

---

или указать ей цѣль недостижимую или ввести, въ порядокъ ея дѣлопроизводства, одно или два неумѣстныя правила; а между тѣмъ въ обычаѣ, особенно у насъ, винить не тѣхъ, по милости кого дѣло не могло идти, а тѣхъ, которые не исполнили невозможнаго.

оказалось бы удовлетворительнымъ и для монарха, освободившагося отъ страшной, нынѣ на немъ лежащей отвѣтственности, и для народа, обезпеченнаго отъ самодержавныхъ капризовъ, могущихъ не нынѣ, такъ завтра проявиться; быть можетъ, такой образъ правленія, когда нибудь и установится въ Россіи; но это время придетъ не скоро, а теперь, и даже въ близкой будущности, онъ совершенно невозможенъ. Для осуществленія такого порядка на дѣлѣ, необходимо значительное и притомъ общее развитіе умовъ, характеровъ, гражданскихъ добродѣтелей и пр. Не намъ, едва выходящимъ изъ крѣпостной зависимости, мечтать о томъ, чтó едва достигается въ мірѣ немногими народами, извѣковавшими на полѣ свободы и ради ея много потрудившимися. Теперь стремиться намъ къ этому — значило-бы предпринимать на челнокѣ кругосвѣтное путешествіе или хотѣть руками достать луну.

При такихъ обстоятельствахъ и при ощущаемой почти всѣми крайней тяжести нынѣшняго нашего положенія, чтó остается намъ дѣлать? Конечно не пускаться въ океанъ мечтательныхъ попытокъ, твердо стоять на дѣйствительной, подъ нами находящейся почвѣ, крѣпко и искренно держаться существующаго у насъ самодержавія, и только озаботиться предоставленіемъ ему возможности дѣйствовать сознательно, свободно и устойчиво.

Что такое самодержавіе? Оно вовсе не есть для государя право и возможность дѣлать то, чтó ему придетъ въ голову, исполнять всякія затѣи и чуждаться всякаго вліянія извнѣ. Нѣтъ! человѣкъ особенно свободенъ тогда, когда онъ побѣждаетъ свои влеченія и желанія, не боится выслушивать

рѣчи и совѣты другихъ, и исполняетъ даже чуждую волю, въ разумности и пользѣ которой онъ убѣждается. Самодержавіе въ вѣнценосцѣ есть тоже, что́ въ каждомъ человѣкѣ — право дѣйствовать по своему выбору, который долженъ совершаться по указаніямъ разума и совѣсти. Но одно обстоятельство значительно усложняетъ и затрудняетъ положеніе государя. Человѣкъ, распоряжаясь своими дѣлами, несетъ самъ отвѣтственность за свои ошибочныя или легкомысленныя дѣйствія; таковыя же рѣшенія и распоряженія вѣнценосца ложатся тяжкимъ бременемъ на другихъ — на его подданныхъ. Слѣдовательно, если сознательно и разумно́ дѣйствовать, есть обязанность каждаго человѣка и прямая его въ томъ выгода, то для государя эта обязанность несравненно неотклоннѣе и выгода несравненно значительнѣе.

Самодержецъ, какими бы способностями ни обладалъ и какіе бы труды на себя ни возлагалъ, не можетъ ни всего знать, ни всего придумать, ни всего сдѣлать. Онъ необходимо долженъ, *черезъ другихъ*, узнавать, придумывать и дѣйствовать. Онъ не въ состояніи, въ пространномъ и многонаселенномъ государствѣ, знать лучшихъ людей, т. е. тѣхъ, которымъ слѣдовало бы быть во главѣ управленія. Онъ узнаетъ людей случайно и поверхностно, т. е. только тѣхъ, которые попадаются ему на глаза, и только такъ, какъ имъ выгодно себя ему показать. Можетъ ли онъ при этомъ имѣть надлежащее понятіе о своихъ подданныхъ, питать къ нимъ надлежащее уваженіе и избирать изъ нихъ способнѣйшихъ? Самодержецъ находится въ невозможности знать самъ собою не только всѣ

мѣстности, ихъ нужды и желанія, но и одну какую либо мѣстность такъ, какъ она дѣйствительно есть; все что́ онъ узнаетъ, доходитъ до него смутно, не вѣрно, путемъ оффиціальныхъ рапортовъ или одностороннихъ доносовъ или отрывочныхъ, случайныхъ извѣщеній и заявленій не свободной а произвольно и часто безразсудно стѣсненной гласности; и даже изъ этихъ извѣщеній и заявленій доходитъ до самодержца только то, что́ и какъ его приближеннымъ угодно ему показать. Въ состояніи ли онъ, при такомъ порядкѣ вещей, что́ либо знать вѣрно, многосторонне, доподлинно? — Но чтобы вести дѣла, мало еще ихъ знать, необходимо соображать разныя къ нимъ относящіяся обстоятельства, подвергать ихъ многостороннему обсужденію, придумывать лучшій исходъ для каждаго дѣла, и уже за тѣмъ приступать къ окончательному его рѣшенію. Очевидно, что такой трудъ не подъ силу не только самодержцу, но и совокупности людей, его окружающихъ, вѣкующихъ на одномъ мѣстѣ, незнакомыхъ съ дѣйствительнымъ ходомъ дѣлъ — людей, заваленныхъ кипами писанныхъ и печатныхъ бумагъ и едва успѣвающихъ подписывать и отъ себя сталкивать дѣла неотложныя. Могутъ ли они вникать въ ихъ сущность? Въ состояніи ли они принимать въ соображеніе потребности и желанія мѣстностей, извѣстныхъ имъ только по имени? Доступно ли для такихъ людей принятіе мѣръ простыхъ, прямыхъ, изъ самаго дѣла истекающихъ? Могутъ ли они быть для самодержца полезными помощниками, докладчиками, совѣтниками и исполнителями?

Самодержавіе, какъ и всякое правительство, чтобы быть сильнымъ, плодотворнымъ и всѣми

уважаемымъ, должно имѣть сколь возможно вѣрныя, обстоятельныя и живыя свѣдѣнія о всѣхъ частяхъ управляемаго имъ государства, и должно сосредоточивать въ себѣ лучшихъ людей страны.

Для достиженія перваго требованія, недостаточны никакія собираемыя статистическія свѣдѣнія, никакія, даже самыя добросовѣстныя донесенія оффиціальныхъ лицъ: статистика не можетъ обхватывать всѣ стороны народной жизни; а правительственные агенты, по своему положенію, все видятъ съ одной только стороны и отъ нихъ ускользаетъ то, что́ для законодателя и для высшей администраціи всего важнѣе — сущность народнаго быта. Указанная цѣль можетъ быть достигнута только чрезъ представителей каждой мѣстности, входящей въ составъ государства; и это тѣмъ необходимѣе, чѣмъ государство обширнѣе и разнообразнѣе. Ничто не можетъ замѣнить этихъ представителей, ибо только они въ состояніи, по каждому дѣлу, возникающему и подлежащему рѣшенію, сообщать надлежащія свѣдѣнія, высказывать и защищать живыя мнѣнія мѣстностей и указывать на вѣроятныя дѣйствія принимаемыхъ мѣръ. Эти лица не могутъ быть назначаемы правительствомъ, ибо оно незнаетъ лучшихъ людей каждой мѣстности, и такими представителями не должны считаться люди, избранные для другаго дѣла, а не съ цѣлью высказывать мнѣнія, дѣлать правительству предложенія, ихъ разъяснять и защищать. Настоящіе представители должны быть избираемы своими мѣстностями ad hoc, т. е. собственно для выраженія общественнаго мнѣнія своихъ мѣстностей. Притомъ они должны бы собираться не случайно, не при замкнутыхъ дверяхъ

и не по какимъ либо отдѣльнымъ вопросамъ; а постоянно, подъ контролемъ гласности, по всѣмъ законодательнымъ вопросамъ и по нѣкоторымъ особенно важнымъ общимъ административнымъ дѣламъ (*).

Вторая нами указанная цѣль, т. е. сосредоточеніе въ составѣ правительства, лучшихъ людей страны, достигнется сама собою, если только будутъ созваны народные представители. Теперь безпрестанно слышимъ на Руси жалобы на недостатокъ людей; и дѣйствительно ихъ какъ будто очень мало. Чѣмъ менѣе будутъ давать имъ возможности выказываться и образовываться, и чѣмъ

(*) Въ нынѣшнемъ году, правительство вызвало въ Петербургъ *нѣкоторыхъ* предсѣдателей губернскихъ управъ, *нѣкоторыхъ* губернскихъ предводителей дворянства, *нѣкоторыхъ* городскихъ головъ и *нѣсколькихъ* промышленниковъ, для разсмотрѣнія и обсужденія проэктовъ о наймѣ рабочихъ и прислуги. Признаться, не многаго мы ожидаемъ отъ этого вызова. Не понимаемъ, чѣмъ руководствовалось правительство при вызовѣ однихъ и не вызовѣ другихъ земскихъ, дворянскихъ и городскихъ избранниковъ. Не понимаемъ также, какъ могло оно считать представителями общественнаго мнѣнія людей, избранныхъ совершенно для другаго дѣла. Къ тому же извѣстно, что, въ первое время, гласные или депутаты не скоро между собою знакомятся, стараются узнавать не только дѣло, которымъ они должны заниматься, но и воззрѣнія на него своихъ товарищей и правительственныхъ агентовъ, и обыкновенно тратятъ много времени на первоначальныя объясненія и пренія; а потому вовсе не удивительно, если созванные предсѣдатели управъ, губернскіе предводители и прочіе излюбленные администраціею люди, въ двухмѣсячныя свои засѣданія, мало содѣйствовали къ улучшенію предложенныхъ на ихъ разсмотрѣніе проэктовъ. Сверхъ того, какъ будто въ вящее обезпеченіе малоуспѣшности ихъ работъ, какою то странною тайною прикрыты были всѣ совѣщанія этой коммиссіи. Изъ газетъ мы узнавали только, что она усердно собиралась и что такіе-то номера статей ею разсмотрѣны; все же остальное тщательно скрывалось отъ гласности.

тщательнѣе будутъ устранять людей самостоятельныхъ, тѣмъ конечно число настоящихъ дѣятелей будетъ сокращаться. Чѣмъ тѣснѣе кругъ лицъ, изъ которыхъ назначаются высшіе сановники, тѣмъ выборъ ихъ затруднительнѣе и неудовлетворительнѣе. Если бы верховная власть рѣшилась созвать представителей земли русской, не исключая и окраинъ, то, нѣтъ сомнѣнія, что и народъ постарался бы избрать въ это званіе лучшихъ своихъ людей; и тогда конечно оказалось бы, что въ людяхъ нѣтъ недостатка. Тутъ, въ общей думѣ, эти люди не замедлили бы заявить свои способности и словомъ и дѣломъ; и верховной власти предстоялъ бы лишь трудъ выбора.

Но черезъ такой созывъ не ограничатся ли права самодержавія?

Предлагая этотъ созывъ или учрежденіе общей земской думы, мы вовсе не имѣемъ въ виду ни англійскаго парламента, ни иныхъ конституціонныхъ палатъ. Мы желаемъ только, чтобы правительство не грѣшило *по невѣденію*; чтобы верховная власть была свободна въ выборѣ высшихъ сановниковъ, и не вынуждена ихъ брать изъ числа людей, которые случайно ей сдѣлались извѣстными; чтобы она могла сознательно рѣшаться по дѣламъ, ея вершенію подлежащимъ; и чтобы народъ имѣлъ возможность, законнымъ путемъ, высказывать свои мнѣнія по общимъ дѣламъ, приносить жалобы на испытываемыя имъ стѣсненія и угнетенія, и представлять свои ходатайства, т. е. чтобы Россіи вообще даны были права въ родѣ тѣхъ, которыя уже дарованы уѣзднымъ и губернскимъ земствамъ, или чтобы былъ учрежденъ земскій совѣтъ въ родѣ

нынѣ существующаго государственнаго совѣта, который высказываетъ только свои мнѣнія, не имѣющія сами по себѣ никакой обязательной силы и получающія её только по высочайшемъ ихъ утвержденіи. Мы вовсе не хотимъ, чтобы этой общей думѣ было предоставлено право отказывать правительству во взиманіи налоговъ и сборовъ или отдавать министровъ подъ судъ. Но мы думаемъ, что было бы весьма полезно и для самодержавія и для народа, если бы всѣ проэкты законовъ непремѣнно подвергались предварительному обсужденію въ собраніи народныхъ представителей, ибо тогда первому не приходилось бы утверждать законы неудобоисполнимые, а послѣднему искать отъ нихъ спасенія только въ ихъ неисполненіи; если бы государственныя смѣты доходамъ и расходамъ и отчеты государственнаго контроля проходили предварительно чрезъ думскія коммиссіи, были тамъ обстоятельно разсматриваемы, и съ заключеніями думы представляемы на высочайшее утвержденіе. Все это ни мало не ограничило бы правъ самодержавія; напротивъ того, мѣстныя и общія свѣдѣнія, которыя были бы сообщены народными представителями; многостороннее и гласное обсужденіе предполагаемыхъ законоположеній и правительственныхъ мѣръ; и близкія, прямыя отношенія, которыя установились бы между народомъ и верховною властью — значительно бы её расширили, усилили и утвердили какъ внутри государства, такъ и въ ея сношеніяхъ съ другими державами.

Пострадаетъ, уменьшится, ограничится власть только безчисленнаго множества мелкихъ самодержцевъ — самозванцевъ, которыхъ преисполнена

Россія, въ лицѣ становыхъ приставовъ, исправниковъ, губернаторовъ, столоначальниковъ, начальниковъ отдѣленій, директоровъ и пр. пр. пр. Отъ этого не проиграетъ а много выиграетъ самодержавіе; ибо ничто такъ его не ослабляетъ, не роняетъ и такъ ему не вредитъ, какъ своеволіе, самодурство его агентовъ. Чѣмъ ниже спускаемся по іерархической лѣстницѣ, тѣмъ болѣе встрѣчаемъ деспотическихъ выходокъ, прикрываемыхъ обязанностью или исполненія какихъ-то конфиденціальныхъ предписаній начальства или поддержанія достоинства власти. Къ несчастью, съ этими-то слугами и охранителями самодержавія, приходится народу имѣть всего болѣе и всего чаще дѣло; а потому и не мудрено что, глубоко преданный своему государю, онъ не питаетъ ни любьви, ни уваженія къ правительству вообще, и не считаетъ грѣхомъ его обманывать, отъ него укрываться и не исполнять его приказаній. Можно положительно сказать, что не только дума, нами предпологаемая, но и никакой парламентъ такъ не ограничитъ верховной власти, какъ её стѣсняютъ и подтачиваютъ издаваемые неудобоисполнимые законы и самоуправство огромнаго большинства чиновниковъ.

Не понимаемъ, почему самодержавію въ особенности считаютъ необходимымъ придавать свойство „неограниченности?" Это свойство неотъемлемо принадлежитъ всякому правительству; ибо, въ чрезвычайныхъ случаяхъ, какъ въ республикахъ бываютъ диктатуры, такъ и въ конституціонныхъ государствахъ пріостанавливается обычное дѣйствіе законовъ. Но и въ самодержавныхъ монархіяхъ, въ обыкновенныя времена, должны дѣйствовать

законы и немыслимо господство сверхзаконнаго произвола или отсутствіе постоянныхъ законовъ. Такіе порядки, правда, существуютъ на востокѣ; но о тамошнихъ деспотизмахъ нечего и говорить: они почти не могутъ называться правительствами; смуты, неустройства и безсиліе составляютъ необходимыя принадлежности ихъ быта, и окончательное ихъ изчезновеніе съ лица земли есть, въ будущемъ, непремѣнный ихъ удѣлъ. Вообще же, въ мірѣ разумномъ, легче понять неограниченную республику, хотя конечно не желательно жить въ таковой, чѣмъ неограниченную монархію. Въ первой властвуютъ всѣ; слѣдовательно, и въ силахъ и въ способностяхъ недостатка нѣтъ; но можетъ тутъ быть большой недостатокъ въ порядкѣ и согласіи, т. е. анархія; въ монархіи же предержателемъ, источникомъ власти — одинъ. Этотъ одинъ есть человѣкъ; слѣдовательно ограниченность въ умственномъ, нравственномъ и физическомъ отношеніи есть удѣлъ его, какъ и всѣхъ прочихъ смертныхъ. Въ своихъ частнымъ дѣлахъ, мы часто ошибаемся по невѣденію и несоображенію всѣхъ, къ нимъ относящихся, обстоятельствъ, и по слабосилію нашей единичной воли и дѣятельности; какъ же предполагать въ одномъ человѣкѣ, какъ бы щедро онъ ни былъ одаренъ отъ природы, способность и возможность удовлетворительнаго имъ веденія общихъ дѣлъ значительнаго государства?

Что же люди хотятъ выразить, присоединяя къ самодержавію прилагательное „неограниченное." Вѣроятно то, что оно можетъ *дѣлать все, что хочетъ.* Но какъ нельзя предполагать въ немъ отсутствія ни разума, ни желанія содѣйствовать по

возможности ко благу страны, имъ управляемой, то вышеупомянутое понятіе о самодержавіи должно быть выражено такъ: оно можетъ дѣлать все, что́ *разумно* хочетъ *для блага своей страны.* — Неужели кто-либо рѣшится приписывать уму самодержца всевѣденіе и непогрѣшимость, а его воли — возможность всегда и вездѣ проявлять свои изволенія? Очевидно, что самодержцу необходимо устанавливать общія правила для ведѣнія дѣлъ, и уполномочивать другихъ на исполненіе этихъ, имъ утвержденныхъ правилъ, а равно и на принятіе нѣкоторыхъ мѣръ, не подлежащихъ законодательному дѣйствію. Самодержецъ дѣйствуетъ свободнѣе и самостоятельнѣе тогда ли, когда онъ назначаетъ своихъ уполномоченныхъ изъ сотенъ людей, почему-то сдѣлавшихся ему извѣстными; когда онъ даетъ имъ наказы, ими же составленные и ими же, только въ иномъ помѣщеніи, при замкнутыхъ дверяхъ, одобренные; и когда эти отъ него довѣренныя лица дѣйствуютъ почти безконтрольно, по безгласію жителей, по обширности государства и по бумажности дѣлопроизводства; или тогда, когда, для завѣдыванія тою или другою частью или мѣстностью, самодержецъ назначаетъ сановниковъ изъ нѣсколькихъ тысячь людей, *выдвинутыхъ общественнымъ мнѣніемъ*; когда правила дѣйствія какъ для управляющихъ такъ и для управляемыхъ, т. е. когда законы составляются при всеобщей гласности, съ помощью и тѣхъ и другихъ, и восходятъ на высочайшее утвержденіе уже всѣсторонне разсмотренные и обсуженные, и когда исполнители этихъ законовъ дѣйствуютъ не подъ случайнымъ и отрывочнымъ надзоромъ власти, а подъ постояннымъ наблюденіемъ общественнаго

мнѣнія, прямо заинтересованнаго въ общемъ благосостояніи? — Нѣтъ сомнѣнія, что, въ послѣднемъ случаѣ, самодержецъ дѣйствуетъ несравненно свободнѣе и самостоятельнѣе, чѣмъ въ первомъ.

Отъ чего же видимая, кажущаяся неограниченность власти, въ глазахъ многихъ, предпочтительнѣе, вожделеннѣе дѣйствительной ея свободы и самостоятельности? Отъ того, въ 1-хъ, что девять десятыхъ, если не больше, судятъ о вещахъ по внѣшности а не по ихъ сущности; во 2-хъ, что въ русскихъ имѣется страшное и грустное пристрастіе къ разгулу произвола и какъ будто отвращеніе отъ законности — свойства, конечно намъ не прирожденныя, но сильно развитыя нашимъ донынѣшнимъ бытомъ; наконецъ въ 3-хъ, отъ того, что мы, по неразвитости или легкомыслію, недостаточно сознаемъ тягость отвѣтственности, нами на себя принимаемой, за личныя, безъ многосторонняго испытанія и разбора, совершаемыя дѣйствія. Мы глубоко убѣждены, что самодержецъ тѣмъ свободнѣе, самостоятельнѣе и могущественнѣе, чѣмъ съ большимъ сознаніемъ онъ можетъ избирать своихъ агентовъ, утверждать законы и рѣшать дѣла высшей администраціи. Также убѣждены и въ томъ, что самодержецъ, имѣющій въ виду только людей, состоящихъ на казенной службѣ, узнающій и обсуждающій все только чрезъ умы оффиціальные, и отдѣленный отъ народа мертвящимъ дѣйствіемъ бюрократизма, далеко не неограниченъ, не свободенъ и не самостоятеленъ, а напротивъ того, крайне ограниченъ невѣденіемъ, въ которомъ онъ обрѣтается, — весьма мало свободенъ и вовсе не самостоятеленъ, вслѣдствіе заключенности его въ тѣс-

номъ кружкѣ царедворства и бюрократіи. Едва ли такъ называемый неограниченный самодержецъ не болѣе ограниченъ въ своей дѣятельности чѣмъ большинство его подданныхъ.

Самодержавіе вовсе не нуждается въ разгулѣ произвола; напротивъ того, этотъ разгулъ, тяжкій для народа, особенно убыточенъ, вреденъ, разрушителенъ для самодержавія. Мудрый, потребностямъ народа соотвѣтственный законъ, и укоренившійся обычай его исполнять, приводитъ въ дѣйствіе волю верховной власти постоянно, повсѣмѣстно и при содѣйствіи всѣхъ гражданъ. Приказанія разгульнаго произвола исполняются только тогда и тамъ, гдѣ и пока надзоръ, кара и насиліе обеспечиваютъ ихъ приведеніе въ дѣйствіе. Изъ этого легко заключить, въ которомъ изъ этихъ двухъ положеній, самодержавная власть дѣйствительнѣе, шире, сильнѣе и крѣпче. При безгласіи или слабогласіи народа, при необходимости все видѣть и слышать только чужими, и при томъ далеко не безпристрастными, не зоркими глазами и не чуткими ушами, и при неизбѣжности все рѣшать безъапелляціонно, положеніе самодержца — ужасно. Отвѣтственность нравственная, болѣе тяжкая чѣмъ всякая матеріальная, ложится неудобоносимымъ бременемъ на совѣсть самодержца. Издали и снизу положеніе его можетъ казаться завиднымъ и исполненнымъ всякаго блаженства. Творить свою волю; никого, кромѣ Бога, не имѣть надъ собою; и быть окруженнымъ людьми, считающими за счастіе исполнять священную волю самодержца — что̀ казалось бы вожделеннѣе? — А на дѣлѣ что выходитъ? —

Самодержецъ, желающій исполнять свою именно волю и этимъ дорожащій, никогда и ни въ чемъ ея не исполняетъ: Онъ можетъ осуществлять свои капризы, т. е. свои затѣи и причуды; но разумно и плодотворно дѣйствовать своимъ произволомъ — это для него невозможно. Деспотъ, узнающій все только черезъ своихъ приставниковъ, знаетъ только то, что́ и какъ имъ угодно ему доложить; окруженный ими и сообщающійся съ народомъ только чрезъ нихъ, онъ находится вполнѣ въ ихъ рукахъ; обязанный утверждать въ день по сотнѣ и болѣе докладовъ, мнѣній и положеній, онъ хотя и сообщаетъ имъ силу обязательности, однако дѣйствуетъ, въ этомъ случаѣ, болѣе машинально чѣмъ сознательно и исполняетъ не свою а волю слугъ своихъ. Къ тому же онъ, какъ будто поставленный внѣ дѣйствія на него страха, опасается чуть чуть не всего; и этимъ особенно пользуются люди, алчущіе его охранять отъ мнимыхъ или нарочно вымышленныхъ ими опасностей. При ночной темнотѣ, и самому мужественному человѣку, вещи часто являются не въ настоящемъ а въ призрачномъ видѣ, и наводятъ на него невольный, напрасный страхъ. Такъ и при деспотизмѣ, т. е. при вынужденномъ безмолвіи и бездѣйствіи людей, всякій звукъ и всякое дѣйствіе кажутся преступными, даже грозными и внушаютъ страхи. И на дѣлѣ выходитъ, что самодержецъ, по имени и положенію, оказывается въ дѣйствительности несчастнѣйшимъ человѣкомъ своего государства.

Вовсе не таковъ настоящій самодержецъ. Онъ можетъ быть свободнѣйшимъ, всего болѣе и всего лучше знающимъ и всѣхъ мудрѣе повелѣвающимъ

человѣкомъ въ своемъ государствѣ. Средства къ тому въ его рукахъ. Основнымъ условіемъ къ приведенію въ дѣйствіе этихъ средствъ есть утвержденіе за гражданами законной, широкой, по возможности, свободы и полной обеспеченности ихъ личныхъ и имущественныхъ правъ. А это достигается только установленіемъ законовъ, соотвѣтствующихъ потребностямъ народа, и точнымъ, добросовѣстнымъ исполненіемъ этихъ законовъ. Первое возможно только при участіи, въ этомъ дѣлѣ, самаго народа, ибо онъ одинъ знаетъ что̀ ему нужно; а законы, составленные теоретически или бюрократически, хотя бы ихъ творцами были люди умнѣйшіе и вполнѣ добросовѣстные, не въ состояніи надлежащимъ образомъ удовлетворить народныя нужды, и потому остаются на бумагѣ и не переходятъ въ дѣло. Исполненіе же законовъ обусловливается конечно ихъ практичностью, но и тѣмъ, какъ на нихъ смотрятъ люди, которыхъ прямая обязанность заключается въ приведеніи этихъ законовъ въ дѣйствіе. Строжайшими, точнѣйшими ихъ исполнителями должны быть самъ самодержецъ и его агенты. Далека отъ нихъ должна быть мысль, что они стоятъ выше закона, что могутъ, при исполненіи, его исправлять и измѣнять, и что ему вполнѣ подчиняться есть обязанность только управляемыхъ а не управляющихъ. Благоговѣніе передъ закономъ должно исходить изъ высшихъ сферъ, и только тогда оно утверждается и въ низшихъ слояхъ народа. При свободѣ, люди будутъ безбоязненно и откровенно говорить правду, искренне полюбятъ законы, утверждающіе ихъ благосостояніе и сочтутъ долгомъ совѣсти свято исполнять сущест-

вующія постановленія. При такомъ положеніи, самодержецъ будетъ слышать и знать что́ дѣйствительно есть и происходитъ въ его странѣ, что́ ей нужно, какъ ей помочь и какъ все это на самомъ дѣлѣ исполняется. Тогда онъ будетъ въ возможности *сознательно* утверждать какъ законы, такъ и важныя административныя мѣры, и *дѣйствительно* наблюдать за ихъ исполненіемъ — тогда онъ будетъ настоящимъ и полнымъ самодержцемъ(*).

А какимъ могуществомъ будетъ обладать такой самодержецъ въ отношеніи къ другимъ державамъ! Политика русская не можетъ не быть либеральною. Только при этомъ условіи, она будетъ соотвѣтствовать интересамъ страны и обеспечитъ ей сильное и плодотворное вліяніе на Европу. Въ этомъ духѣ Россія дѣйствовала въ отношеніи къ народамъ бывшимъ и еще находящимся подъ игомъ Турціи. Такой же политикѣ слѣдовалъ императоръ Александръ I-й при умиротвореніи Европы въ 1812—1815 годахъ. И въ этихъ случаяхъ Россія была дѣйствительно могуча. Но какъ скоро мы поддавались вліянію Меттерниха и ему подобныхъ, дѣйствовали въ духѣ враждебномъ народамъ, и вооб-

---

(*) Замѣчательны многія мысли, изложенныя, еще въ 1767 году, въ Наказѣ сочиненномъ самою Императрицею Екатериною Великою, и данномъ коммиссіи для начертанія проэкта новаго Уложенія. Эта мудрая государыня вѣрно и глубоко поняла пользы и выгоды самодержавія и не опасалась говорить въ своемъ Наказѣ, о вольности и о томъ, что граждане должны чувствовать себя обеспеченными и „никого кромѣ законовъ не бояться." Эти мысли великой государыни такъ сильны и полновѣсны что, въ подкрѣпленіе нами высказаннаго о самодержавіи, мы позволяемъ себѣ, въ видѣ приложенія, помѣстить ниже выписку нѣкоторыхъ статей изъ упомянутаго Наказа.

ражали быть призванными полицеймейстерами Европы, то тотчасъ наше вліяніе сокращалось, мы возстановляли противъ себя народы, а тамошніе кабинеты, всегда къ намъ не расположенные (*), пользовались первымъ случаемъ для образованія тайныхъ или явныхъ, молча или формально заключенныхъ союзовъ противъ насъ, во имя цивилизаціи противъ варварства и вымышленныхъ ими для насъ завоевательныхъ замысловъ. Дорого мы уже поплатились за эти наши ошибки и вынуждены были, въ началѣ нынѣшняго царствованія, осудить себя на временное бездѣйствіе. Прекрасно и чрезвычайно ловко и вѣрно выражено это наше положеніе въ извѣстной фразѣ кн. Горчакова: la Russie se recueille. Да! намъ нужно было сосредоточиться! Европейскіе кабинеты и сама либеральная Англія еще долго будутъ слѣдовать политикѣ узко-себялюбивой и вообще неблагопріятной для народовъ. Тамъ еще господствуютъ остатки феодализма и средняго сословія (tiers-état), а остальный народъ еще продолжаетъ считаться массою удоботѣснимою; чтó и вызываетъ съ ея стороны разнаго рода движенія и открытые бунты. Россія можетъ стать во главѣ Европы только подъ условіемъ прямаго и

(*) Кабинеты великихъ державъ западной Европы хлопочутъ, каждый для себя, о захватѣ первенства надъ прочими; но они чувствуютъ, что это первенство ускользаетъ изъ ихъ рукъ и переходитъ къ державѣ, которую, и по образованію и по финансовымъ средствамъ, они считаютъ ниже себя, и которая, иногда сознательно а часто и безсознательно, руководствуется инымъ какимъ-то духомъ. Это глубоко оскорбляетъ европейскіе кабинеты и ихъ противъ насъ вооружаетъ. Они, въ отношеніи къ намъ, вѣжливы, даже искательны; но горе намъ, если мы повѣримъ дружбѣ хотя одного изъ нихъ! Съ искреннымъ сочувствіемъ относятся къ намъ одни сѣвероамериканскіе штаты.

искренняго вступленія ея на путь общенародныхъ интересовъ; что́ ей, и только ей, возможно и удобно, по ея дѣйствительной безсословности и по ея самодержавію, опирающемуся на народъ вообще. И тогда какая будетъ у насъ сила! Не одни Славяне, которыхъ насчитывается до 30 милліоновъ, съ любовью и довѣріемъ къ намъ обратятся, но и народныя массы другихъ племенъ отнесутся къ намъ сочувственно.

Но желательно ли, выгодно ли для русскаго народа самодержавіе даже въ послѣднемъ, нами представленномъ видѣ? Конечно полное самоуправленіе есть для людей вообще вожделеннѣйшій образъ правленія; но въ нашей громадной, до крайности разнообразной, разнохарактерной и вовсе не одинаково развитой странѣ, республика, какъ мы выше сказали, даже немыслима. Мы видѣли также, что конституціонализмъ ни въ какомъ видѣ у насъ неосуществимъ. Слѣдовательно возможно у насъ только то, что въ дѣйствительности существуетъ, т. е. самодержавіе. Народъ это вѣрно чуетъ; все отъ него ожидаетъ и ему вѣритъ; вотъ почему онъ горячо любитъ своего государя и глубоко ему преданъ. Если въ отдѣльныхъ личностяхъ и даже въ нѣкоторыхъ народныхъ отдѣлахъ, эта любовь и преданность поколеблены; то причинами тому какъ начатое и недоконченное изученіе и обсужденіе того, что́, въ правительственномъ отношеніи, требуется для нашей страны, такъ и безалаберныя, неустойчивыя и стѣснительныя дѣйствія правительственныхъ агентовъ. Особенно должно привязывать народъ къ самодержавію то, что его интересы совершенно совпадаютъ съ общими интере

сами народа. Тогда какъ интересы и дворянства и купечества и даже крестьянства, часто расходятся съ общими интересами народа, а иногда и вовсе имъ противуположны; интересы хорошо понятые самодержавія безусловно тождественны съ интересами всего народа. Имъ только сильно самодержавіе; а потому оно должно всѣми силами и способами содѣйствовать къ народному развитію въ умственномъ, нравственномъ, земледѣльческомъ, промышленномъ и торговомъ отношеніи; каковое развитіе теперь болѣе чѣмъ когда либо возможно только при свободѣ и обеспеченности гражданъ. Слѣдовательно, что́ дорого и необходимо для народа, то должно быть такимъ же и для самодержавія. Слѣпы тѣ, которые этого не видятъ, и равно преступны какъ ищущіе поколебать верховную власть или словомъ или дѣломъ, такъ и стремящіеся её расширить и утвердить на счетъ правъ народныхъ.

Но что́ обеспечиваетъ народъ въ томъ, что самодержецъ дѣйствительно пойметъ свои настоящія выгоды и будетъ ими руководствоваться, а не превратится въ невыносимаго деспота (*)? Конечно безусловно вѣрнаго, непремѣннаго, кромѣ смерти, нѣтъ ничего для человѣка на землѣ; конечно другіе образы правленія представляютъ вообще болѣе залоговъ устойчивости и соблюденія народныхъ правъ; но желать, домогаться должно только — возможнаго. Въ Россіи, въ настоящее

(*) Это опасеніе отчасти оправдывается прекраснымъ отвѣтомъ Императора Александра I-го, извѣстной писательницѣ Стаель, говорившей ему о счастіи Россіи имѣть такого мудраго и великодушнаго монарха: „Если и справедливо, что́ вы говорите, то, признайтесь, это только счастливый случай.“

время, возможно, какъ мы видѣли, только самодержавіе; только оно представляетъ достаточно сосредоточенную живую силу для веденія государственныхъ дѣлъ; только его выгоды совпадаютъ съ общими народными выгодами. Въ этомъ совпаденіи, а равно и въ томъ, что люди вообще всего легче и лучше понимаютъ свои выгоды, заключается ручательство, что самодержавіе будетъ ими руководствоваться. А для насъ всего вѣрнѣе и выгоднѣе, не предаваться какимъ либо мечтательнымъ поискамъ и попыткамъ, твердо и искренне стать на почву дѣйствительности и тѣмъ облегчить верховной власти, достиженіе тѣхъ благихъ цѣлей, которыхъ она не можетъ не имѣть.

Изложенныя нами мнѣнія могутъ, пожалуй, показаться странными и несбыточными. Какъ вообразить себѣ самодержавіе, прислушивающееся къ общественному мнѣнію и исполняющее его требованія? Какъ представить себѣ, при самодержавіи, свободу лицъ, обеспеченность ихъ правъ личныхъ и имущественныхъ, гласность и пуще всего — устойчивость въ управленіи? Все это кажется намъ болѣе возможнымъ чѣмъ пребываніе въ томъ положеніи, въ какомъ мы теперь находимся; или созданіе силы не существующей, согласованіе ея интересовъ съ общенародными и совершеніе этого чуда въ XIX столѣтіи, когда эта, къ возникновенію предполагаемая сила — аристократія изчезаетъ даже тамъ, гдѣ она владычествовала и гдѣ, казалось, она пустила глубокіе корни. Духъ настоящаго времени заключается въ томъ, чтобы благо не нѣкоторыхъ лицъ или не какого либо сословія, а всего народа имѣлось у правительства постоянно въ виду; чтобы

всѣ люди считались равноправными передъ закономъ, имѣли равную возможность развивать свои силы и пользоваться плодами своихъ трудовъ. Все это конечно тѣмъ возможнѣе, чѣмъ люди будутъ принимать болѣе участія въ управленіи страны; но при этомъ особенно важно одно условіе — чтобы въ допущеніи такого участія не было никакой привилегированности. И наша исторія и нашъ настоящій бытъ проникнуты безсословностью, которую не могли сокрушить введенныя у насъ сословія, и которую тщетно стараются оклеветать и потрясти, разныя предложенія о какомъ-то немыслимомъ „культурномъ сословіи" и о какой-то особаго рода „всесословной волости". Изъ всего нами слышаннаго, читаннаго и лично испытаннаго, мы можемъ вывести одно несомнѣнное заключеніе, а именно то, что веденіе правительственныхъ дѣлъ не можетъ оставаться въ своемъ нынѣшнемъ уединенномъ и замкнутомъ положеніи, и что къ этому веденію, въ въ томъ или другомъ видѣ, народъ долженъ быть пріобщенъ.

Какъ интересы самодержавія и народа одни и тѣже, то не видимъ ничего невозможнаго въ томъ, чтобы первое не захотѣло быть окруженнымъ народными представителями, выслушивать ихъ мнѣнія и совѣты, и рѣшаться охотнѣе въ пользу дѣльно и многосторонне обдуманнаго, чѣмъ въ пользу того, что́ вдругъ приходитъ въ голову или что́ предлагается бюрократіею. Думаемъ также, что какъ тяжело подвергаться ограниченіямъ извнѣ и противъ воли налагаемымъ, такъ самоограниченіе есть дѣло мудрое, великое, выгодное и даже отрадное. Самодержавіе само себѣ предоставленное,

въ настоящее время, не можетъ не чувствовать своей несостоятельности, въ виду предлежащихъ ему, все болѣе и болѣе усложняющихся задачь, и не сознавать тяжкой отвѣтственности за совершаемыя имъ дѣла. Пользуясь совѣтами народныхъ избранниковъ, оно раздѣлитъ съ ними отвѣтственность за все, имъ дѣлаемое. Народъ, зная что верховная власть окружена людьми, имъ избранными, и что черезъ нихъ онъ можетъ высказывать ей свои жалобы, просьбы и мнѣнія, будетъ на столько участвовать въ общемъ самоуправленіи, на сколько, при нынѣшнихъ нашихъ мѣстныхъ и временныхъ обстоятельствахъ, это ему возможно. Слѣдовательно, такое положеніе равно вожделенно для обѣихъ сторонъ.

Упрекнутъ, быть можетъ, наши мнѣнія въ непрактичности и въ томъ, что они не основаны на существующемъ или когда либо существовавшемъ образцѣ. Но не все что было, можетъ быть воскрешено; не все что есть въ одной странѣ, можетъ быть пересажено въ другую страну. Развѣ исторія или дѣйствительность представляетъ намъ два государства одинаково устроенныя? Развѣ имѣются два человѣка или даже два цвѣтка совершенно одинакіе? Еще не бывало въ мірѣ такой имперіи, какова Россія; народъ русскій имѣетъ тоже свои значительныя особенности; у насъ почти все совершалось не обычнымъ образомъ; всѣ благія реформы и всѣ расширенія нашихъ правъ приходили къ намъ сверху, а снизу ихъ только принимали; когда же тамъ на верху грѣшили, то это, по большей части, происходило только *по невѣденію*. Слѣдовательно этому-то *невѣденію* и необходимо

помочь. — И по видимому непрактичное можетъ оказаться дѣломъ самымъ практичнымъ.

Въ слѣдующихъ главахъ, намъ предстоитъ разсмотрѣть: характеръ, предполагаемой и нами считаемой необходимою, общей земской думы; изъ кого её составить; какіе предметы должны подлежать ея вѣденію; какія обязанности имѣютъ на ней лежать; какими правами ей слѣдуетъ пользоваться; и какой порядокъ дѣлопроизводства надлежитъ въ ней установить.

II.

Объ общей земской думѣ.

Отчасти мы уже намѣтили, въ предъидущей главѣ, характеръ предполагаемой нами общей земской думы. Мы вовсе не считаемъ нужнымъ вооружать её рѣшительнымъ голосомъ по государственнымъ дѣламъ. Еще разъ повторяемъ: мы нисколько не имѣемъ въ виду ограниченіе самодержавія, а желаемъ, напротивъ того, предоставить ему возможность дѣйствовать съ бо́льшею свободою, съ бо́льшею сознательностью, самостоятельностью и устойчивостью. А потому общая земская дума должна, по нашему мнѣнію, быть представительницею не общественной силы, повелѣвающей исполнительной власти, а общественнаго мнѣнія, объясняющаго самодержавію настоящее положеніе дѣлъ и вещей, подающаго ему совѣты и помогающаго ему въ исполненіи великихъ и тяжкихъ обязанностей, на немъ лежащихъ.

Мы полагаемъ, что должны у насъ существовать два равноправныя государственныя учрежденія: общая земская дума и государственный совѣтъ. Первая имѣетъ быть представительницею всего зем-

ства, а послѣдній — голосомъ обще государственныхъ интересовъ, соображеній и заключеній. Гласные, прибывающіе изъ своихъ губерній, легко могутъ недостаточно знать объ общемъ положеніи и ходѣ дѣлъ государственныхъ, увлекаться мѣстными интересами, и, имѣя ихъ преимущественно въ виду, не обращать должнаго вниманія на пользы и нужды государства вообще. Люди, посвятившіе себя высшей администраціи и живущіе въ правительственной резиденціи, легко могутъ упускать изъ вида потребности мѣстностей, плохо ихъ знать и, безъ нужды, приносить въ жертву дѣйствительные интересы людей мнимымъ государственнымъ пользамъ и необходимостямъ. Существованіе этихъ двухъ разнородныхъ, но равноправныхъ учрежденій, изъ которыхъ одно назначается земствомъ а другое — верховною властью, и притомъ оба имѣютъ *только голосъ совѣщательный*, устранитъ односторонность мнѣній и заключеній, сообщитъ имъ необходимую многообъятность, жизненность и практичность, и доставитъ самодержавію возможность сознательно и совершенно свободно рѣшать трудныя дѣла по законодательству и управленію.

Права и обязанности общей земской думы должны, въ общихъ чертахъ, заключаться въ разсмотрѣніи, обсужденіи и составленіи заключеній: 1) по всѣмъ дѣламъ законодательнымъ; 2) по принятію общихъ мѣръ къ успѣшнѣйшему исполненію законовъ; 3) по ежегоднымъ смѣтамъ государственныхъ приходовъ и расходовъ, по способамъ уравненія существующихъ и установленія новыхъ налоговъ, и по чрезвычайнымъ финансовымъ мѣрамъ; 4) по ежегоднымъ отчетамъ государственнаго кон-

троля; 5) по разнымъ дѣламъ, вносимымъ по особымъ высочайшимъ повелѣніямъ; 6) по ходатайствамъ земскихъ собраній; наконецъ 7) по предложеніямъ, дѣлаемымъ гласными земской думы. — Обстоятельнѣе о предметахъ вѣденія общей думы, мы будемъ говорить послѣ; но здѣсь необходимо было ихъ намѣтить для опредѣленія общаго характера этого учрежденія.

Дѣла должны поступать въ общую думу: а) изъ министерствъ; б) изъ государственнаго совѣта; в) изъ земскихъ собраній, въ видѣ ходатайствъ; и г) отъ гласныхъ думы, въ видѣ предложеній. Дѣла перваго рода, по разсмотрѣніи ихъ въ думѣ, должны поступать въ государственный совѣтъ; дѣла втораго рода, въ случаѣ согласія думы съ мнѣніемъ совѣта, имѣютъ представляться на высочайшее утвержденіе; а въ случаѣ разногласія думы съ совѣтомъ, они возвращаются въ оный для вторичнаго ихъ обсужденія. Дѣла третьяго и четвертаго родовъ поступаютъ въ государственный совѣтъ въ томъ только случаѣ, если дума одобритъ ходатайство земскаго собранія или предложеніе своего члена. — Въ случаѣ несогласія государственнаго совѣта съ мнѣніемъ думы или сей послѣдней съ мнѣніемъ перваго, или въ случаѣ предложенія тѣмъ или другимъ учрежденіемъ какихъ либо измѣненій или дополненій, дѣло возвращается въ думу или совѣтъ, т. е. туда, гдѣ оно первоначально разсматривалось. Если, при вторичномъ обсужденіи, разногласіе не прекращается, то составляется коммиссія изъ равнаго числа членовъ думы и совѣта; эта коммиссія окончательно разсматриваетъ дѣло; и за тѣмъ мнѣніе ея или различныя мнѣнія, въ ней состоявшіяся, представляются

въ высочайшее благоусмотрѣніе. — Эти коммиссіи, какъ уполномоченныя отъ думы и совѣта, должны, по каждому дѣлу, особо ими избираться.

Что касается до того, какія дѣла должны сперва вноситься въ думу и какія — въ государственный совѣтъ, то это опредѣлить не трудно. Можно, въ этомъ отношеніи, установить правила довольно положительныя, руководствуясь слѣдующимъ основнымъ началомъ: дѣла, имѣющія по преимуществу мѣстный интересъ, должны сперва разсматриваться въ думѣ; а дѣла, относящіяся болѣе къ государству вообще чѣмъ къ мѣстностямъ, должны начинаться съ государственнаго совѣта. Такъ на примѣръ: положенія о наймѣ рабочихъ и прислуги слѣдовало бы внести сперва въ думу; а уставъ о воинской повинности, имѣющій цѣлью защиту государства, надлежало бы начально подвергнуть разсмотрѣнію государственнаго совѣта. Впрочемъ ненадлежащее внесеніе дѣла въ думу или совѣтъ, будетъ имѣть послѣдствіемъ только то, что во второмъ учрежденіи можетъ быть сдѣлано болѣе замѣчаній и предложено болѣе измѣненій, чѣмъ въ первомъ, и что вслѣдствіе того, потребуется въ мѣстѣ, гдѣ уже обсуждалось дѣло, вторичное обстоятельное его обсужденіе; что́ особенно невыгодно для министерства, внесшаго свое представленіе не въ надлежащее мѣсто, и что слѣдовательно побудитъ кого слѣдуетъ къ направленію проэктовъ и представленій по принадлежности.

Въ избѣжаніе недоразумѣній, которыя легко могутъ и должны возникнуть между этими двумя равноправными учрежденіями, т. е. между общею земскою думою и государственнымъ совѣтомъ, по-

лезно бы было имѣть въ первой извѣстное число (отъ 4 до 6) членовъ послѣдняго, и такое же число членовъ думы — въ совѣтѣ. Эти члены должны бы избираться упомянутыми учрежденіями изъ своей среды, на мѣсячный срокъ, и обязаны были бы присутствовать (разумѣется съ полнымъ правомъ голоса) въ засѣданіяхъ какъ думы — такъ и совѣта. — Этою мѣрою, думаемъ, были бы предъупреждены многія между ними недоразумѣнія, немедленно или очень скоро доставлены разныя объясненія и значительно сокращены, а во многихъ случаяхъ, и вовсе отвращены письменныя сношенія.

Считаемъ также необходимымъ, чтобы министры, лично или чрезъ своихъ товарищей, присутствовали въ думѣ, точно такъ, какъ они, по своему званію, присутствуютъ въ совѣтѣ, т. е. съ полнымъ правомъ голоса. Этимъ способомъ многое разъяснится, что́ иначе потребовало бы длинной и пространной переписки; многое предъупредится, многое тотчасъ разрѣшится, и что́ особенно важно и желательно, такимъ образомъ установится живая и непосредственная связь между правительствомъ и думою — представительницею народа.

Не могутъ ли, не должны ли возникнуть пререканія между думою и совѣтомъ? Мы этого не думаемъ. Собственно власти, рѣшительнаго голоса государственный совѣтъ не имѣетъ; думѣ также не предполагается дать таковый. Слѣдовательно нѣтъ мѣста, даже возможности для дѣйствительныхъ между ними пререканій.

Но не будетъ ли, между этими разнородными учрежденіями, постоянныхъ разногласій, которыя замедлятъ ходъ дѣлъ и затруднятъ рѣшенія вер-

ховной власти? — И этого предполагать и опасаться — нѣтъ основанія. Государственный совѣтъ есть не представитель какого-либо особаго сословія или интереса, а совѣтъ самодержавія, котораго интересы, какъ мы видѣли, тождественны съ интересами народа. Общая земская дума не есть представительница какихъ либо особенныхъ, оппозиціонныхъ интересовъ, а прямый и законный органъ народа для выраженія верховной власти его нуждъ и желаній. Эти учрежденія будутъ смотрѣть на вещи съ разныхъ сторонъ, другъ другу многое разъяснять и взаимно одинъ другаго пополнять; но, въ ихъ устройствѣ, нѣтъ ничего такого, что́, по своему существу, препятствовало бы соглашеніямъ между ними; а потому нѣтъ причинъ опасаться, что между думою и совѣтомъ будутъ частыя и значительныя разногласія.

Общая земская дума, не вооруженная, ни по какимъ дѣламъ, рѣшительнымъ голосомъ, и имѣющая право только высказывать свои мнѣнія, не будетъ ли учрежденіемъ безсильнымъ, лишеннымъ значенія и только напрасно усложняющимъ государственный механизмъ? — Этого мы никакъ не думаемъ. Конечно теперь общественное мнѣніе у насъ слабо, очень слабо; въ обыкновенныя времена, его почти вовсе нѣтъ. Не только нельзя сказать что Россія или какая либо полоса ея или Москва или Петербургъ, по такому-то государственному дѣлу, такого-то мнѣнія; но опромѣтчиво было бы это утверждать про какой-либо уголокъ Россіи или про какую-либо часть столичнаго или инаго нашего города. Причиною тому — отсутствіе поприща, на которомъ могло бы образовываться, развиваться

и утверждаться общественное мнѣніе. Невступно десять лѣтъ существуютъ земскія учрежденія; и, не смотря на разныя дѣйствія мѣстныхъ и центральныхъ властей къ ограниченію гласности по земскимъ дѣламъ, уже до нѣкоторой степени установилось по нимъ общественное мнѣніе. Не тѣсните, на каждомъ шагу, печати и гласности вообще; не устанавливайте для Петербурга и Москвы какой-то привилегіи (впрочемъ нынѣ уже почти не существующей) издавать книги и журналы безъ предварительной цензуры, и не осуждайте остальной Россіи на безмолвіе; ограничьте самовластіе мѣстныхъ начальниковъ въ отношеніи гражданъ вообще, не исключая изъ ихъ числа и газетныхъ кореспондентовъ; не страшитесь самостоятельности мнѣній и характеровъ; не преслѣдуйте проявленія мысли, какъ будто уже совершеннаго проступка; и общественное мнѣніе у насъ образуется также быстро, какъ уже совершились великія, духу народа сродныя реформы, обезсмертившія нынѣшнее царствованіе. А когда разовьется и укрѣпится общественное мнѣніе на Руси, то какъ можетъ не имѣть значенія то учрежденіе, которое будетъ его представителемъ? — Въ прежнія времена, сила была въ кулакѣ и штыкѣ. Миновало въ Европѣ царство перваго; непродолжительно будетъ и царство послѣдняго. Напротивъ того, общественное мнѣніе, въ средніе вѣка, почти не существовавшее, стало, по мѣрѣ развитія гражданственности и общественности, все болѣе и болѣе усиливаться и расширяться; нынѣ оно составляетъ въ мірѣ силу, которою пренебрегать нельзя; а будущность, и не дальная, обѣщаетъ ему торжество полное и непреходящее. Неужель Россія

